

# СУРСКОЕ РАДИО



ВИНА НОМАРОВА

Родилась в 1995 году в городе Грязи. Окончила факультет журналистики МГУ, работала редактором и копирайтером в рекламе, сейчас продюсирует образовательные проекты и учится в Школе литературных практик, живет в Москве.

*песня для радиозэфира – вот она, готова.  
ни одного плохого слова, и припев*

*попсовый.*

*и пусть попробуют ко мне только потом  
придаться,  
мол, это не подходит по формату нашей*

*станции.*

Noize MC

I.

после тридцати сон у дмитрия алексеевича стал тревожным. он часто просыпался, елозил и крутил-ся, сбрасывал с себя одеяло или аккуратно вытаскивал его из-под жены, но по-настоящему засыпал лишь под утро, когда соседи-студенты отправляли гостей по домам, а соседи-пенсионеры уходили неизвестно куда. обычно это было за два или три часа до того, как солнечный сироп растекался по квартире, и дмитрий алексеевич просыпался в поту и слюнях.

но сегодня было не так.

сегодня утром в квартире дмитрия алексеевича заиграла музыка – негромко, но сразу со всех сторон. дмитрий алексеевич полежал минуту, полагая, что музыка ему померещилась. музыка не прекращалась. песни менялись, но дмитрий алексеевич не мог ни распознать, ни различить их. мотив был при-

митивным, слова – жизнеутверждающими. дмитрию алексеевичу захотелось ударить их автора.

дмитрий алексеевич разбудил детей, спросил, кто это сделал и зачем. дочь заткнула пальцами уши, сын глядел растерянно на отца. дмитрий алексеевич достал из ящика с игрушками планшет и приложил динамик к уху – ничего. проверил ноутбук жены, свой телефон – все тихо.

– в честь чего музыка? – спросила разбуженная жена.

в общем, дома у дмитрия алексеевича никто ничего не знал.

тогда дмитрий алексеевич вышел в подъезд, уверенный, что музыку включили соседи. он постоял у двери соседей-студентов – и вот оно! за дверью действительно была музыка. но, проходя мимо квартиры соседей-пенсионеров, вдруг понял – в это не просто было поверить – что музыка есть и у них. дмитрий алексеевич опаздывал на работу – стучаться ни к тем, ни к другим не стал.

пока дмитрий алексеевич к машине шел, он рассуждал: или стены дома такие тонкие, что музыка у одних, а кажется, что у всех, или игрушка детская куда-то закатилась, заведенная, и поет. но когда дмитрий алексеевич в машину сел – поправил зеркало заднего вида, протер пятно от пальцев на стекле, ключ вставил-повернул, – то понял, что и в машине играет музыка. тихо-тихо, сразу не

услышишь, как будто включенный наушник забыли на заднем сиденье. дмитрий алексеевич так и сидел с руками на руле, тупо смотрел на магнито-лу – зеленые цифры сто сколько-то эф-эм. поты-кал в «выкл.», повертел ключом и пару раз завелся и заглох. но музыка играла и играла, и дмитрий алексеевич поехал на работу под нее.

маршрут у дмитрия алексеевича был один – от дома номер восемь, где он жил, до школы номер три у городской администрации. дмитрий алексеевич любил сур – он потому и не уехал никуда, что сам не знал, как можно жить не в суре. когда дмитрий алексеевич был маленький, он и вовсе делил мир на сур и не-сур. сур казался ему уютной коробоч-кой – закрытый город на сорок тысяч человек, кро-хотной музыкальной шкатулкой – спишь и слышишь, как шуршат деревья, шепчутся старушки у подъез-да – новости двора узнаешь, еще не проснувшись, шумит рынок через дорогу, и иногда шум раздража-ет, чаще – усыпляет.

но музыка в машине затыкала сур и любимое пре-вращала в уродливое. на фоне этой музыки простая остановка теперь казалась обшарпанной и поко-цанной, под слоем грязно-голубой краски торчал другой – рвотно-зеленый, а под скамейкой сте-лился ковер из шелухи от семечек. набережная, по которой он тысячу раз гулял, выглядела заброшен-ной, вода в реке – мутной и с водорослями, хотя только май. от ресторана, где дмитрий алексеевич праздновал свадьбу и дни рождения детей, тянуло помойкой, и дмитрий алексеевич закрыл окно. ад-министрация – ну это вообще. там вывеска должна быть «город сур», но «у» уволокли или отклеи-лась, остался «город ср». охранники шутили, что «у» найдут, но не туда повесят – будет скандал. и в школу дмитрий алексеевич пришел в ужасном настроении.

у входа дмитрий алексеевич топтался, как кот на одеяле. все дело в том, что у него было пред-чувствие. ему казалось, хотя мыслить рационально было сложно, что, поднявшись по лестнице и дойдя до тяжелой школьной двери, потянув за холодную скользкую ручку, он скорее всего, то есть даже наверняка, услышит там музыку. поэтому дмитрий алексеевич стоял, пока не прозвенел звонок, хотя и звонок он скорее почувствовал, чем услышал, – за двадцать лет преподавания уже чутье. но когда все же вошел, звонка не было, а музыка была.

музыка была, больше нельзя было считать ее шуткой или ошибкой. музыка была везде. музыка была не просто радостной – истерически-радост-ной – и с каждой новой песней набирала обороты.

гипертрофированное счастье лезло из нее, как пена из сжатой мочалки. дети записывали голосовые со-общения друзьям из других школ. разные фрагменты одной мелодии звучали на всех телефонах. дмитрий алексеевич полубежал в учительскую.

– в одном углу поведение. в другом воспитание. и наконец – образование, – вслух рассуждал учитель истории семидесяти двух лет. его в том году проводили на пенсию, но замену на те же деньги не нашли – уговорили остаться. – тре-угольник этого, как его?

– карпмана? – спросил учитель физкультуры в футболке «россия» и штанах «адидас».

– кого?

– а кто-нибудь в курсе, что происходит? – перебил их дмитрий алексеевич.

– о чем вопрос? – учительница математики пила ванильный три в одном и смотрела в стену – туда, где висели портреты выдающихся мертвых людей.

– о музыке, вы разве не слышите?

учительница математики молчала, как будто ждала, что на вопрос ответит пушкин или там ло-бачевский.

– мне нравится музыка.

две молодые учительницы – музыки и геогра-фии – готовились к урокам у окна. дмитрий алек-сеевич еще когда вошел заметил, что одна подер-гивает ногой в такт, а вторая ноги переплела, как засохшее дерево ветки в учительской на окне.

– вам тоже нравится, софья николаевна? – дмитрий алексеевич испугался, что свои ноги она уже не распутает никогда.

– восемь лет назад, – снова начал учитель исто-рии, – в суре отключили свет. три недели не было света, потом дали. это я к чему?

учитель физкультуры пожал плечами, так что даже «россия» у него на груди подпрыгнула – вроде как, действительно, к чему?

– к тому, что если отключают что-то, это да. а если уж включают, то и ладно.

– это да, – сказал учитель физкультуры.

– ладно, – сказал дмитрий алексеевич. – какой-то дурдом.

– не надо обзывать. – учительница математики запрокинула голову, чтобы допить остатки кофе, но поперхнулась и вышла откашляться.

физрук пошел в спортзал. учитель истории был глуховат, а еще эта музыка, так что дмитрий алек-сеевич подсел к учительницам-ровесницам и шепо-том сказал:

– серьезно, что за дела?

учителя потихоньку собирались в актовом зале, дети в коридоре спорили о том, как бы собрание подслушать. дмитрию алексеевичу показалось, что музыка стала громче, как будто кто-то прибавил пару делений, так что у детей не было бы и шанса. петр иванович – директор – заметно нервничал, открывал форточки, жалуясь на жару. никто не мог найти себе места, обсуждали, нужно ли на собрании стоять или можно будет присесть. в итоге те, кто постарше, заняли стулья, учителя помоложе встали у них за спиной – как на совместном фото первого сентября.

- ты не слышал? какой-то приказ. сегодня петр иванович на собрании объяснит. – софья николаевна – учительница музыки – пока говорила, оборачивалась на открытую дверь учительской, на пожилого историка. – но я согласна, дима, это жесть.
- дмитрий алексеевич даже рассмеялся, даже пуговицу расстегнул на рубашке.
- а я уже решил, что все сошли с ума! или я сам сошел с ума, не знаю.

- скоро правда сойдем такими темпами.
- а чей приказ?
- не знаю, чей-то сверху.
- ну абсурд! и вряд ли хоть кому-то это нравится.
- мне нравится, – сказала анна андреевна – учительница географии.
- она уже сказала это раз, но дмитрий алексеевич не до конца поверил. решил, что испугалась старших коллег. но сейчас она смотрела серьезно, серьезнее, чем тогда. а еще он подумал, что она за ними с софьей николаевной наблюдает. что она удивлена их словам не меньше, чем они – ее.
- это хорошая музыка. она поднимает настроение. от этой музыки хочется жить. – анна андреевна говорила странно – слова были чужими, тон – унылым. как будто жить уже не хочется никому.
- ну ладно в парке. ладно в кафе. в маршрутке еще куда ни шло. но в школе зачем? и дома у меня зачем? – спорил дмитрий алексеевич.
- затем, что там знают зачем. – анна андреевна хлопнула журналом, так что учительскую накрыло пыльное торнадо.
- сначала чихнул дмитрий алексеевич, потом софья николаевна. историк попытался чихнуть, но не смог.
- правда! – сказала анна андреевна и ушла на урок.
- у дмитрия алексеевича в расписании стояло три урока, но все, кроме последнего, из-за собрания отменились. учителя потихоньку собирались в актовом зале, дети в коридоре спорили о том, как бы собрание подслушать. дмитрию алексеевичу показалось, что музыка стала громче, как будто кто-то прибавил пару делений, так что у детей не было бы и шанса. петр иванович – директор – заметно нервничал, открывал форточки, жалуясь на жару. никто не мог найти себе места, обсуждали, нужно ли на собрании стоять или можно будет присесть. в итоге те, кто постарше, заняли стулья, учителя помоложе встали у них за спиной – как на совместном фото первого сентября. директор взял микрофон, хотя людей было немного. с другой стороны, это оправданно, ведь говорить поверх музыки становилось сложнее.
- дорогие коллеги, – начал петр иванович, – учителя. – он нахмурился, прошелся взглядом по залу, заметил уборщиков, строителей и поваров. – и, эм, не только. нам поступил приказ от руководства.
- какого руководства, вы директор, – выкрикнул из-за стула с математичкой дмитрий алексеевич.





голова у дмитрия алексеевича заболела сильней, хотя он и выпил две таблетки нурофена, как пришел. боль была одновременно острая, пульсирующая, ноющая – дмитрий алексеевич так и не научился их различать. он прикрыл ладонью левый глаз, как будто мысль, которую он собирался озвучить, вот-вот из глаза вытечет.

– прямо на пороге.

– ну марин!

голова у дмитрия алексеевича заболела сильней, хотя он и выпил две таблетки нурофена, как пришел. боль была одновременно острая, пульсирующая, ноющая – дмитрий алексеевич так и не научился их различать. он прикрыл ладонью левый глаз, как будто мысль, которую он собирался озвучить, вот-вот из глаза вытечет. «марин», – сказал еще раз дмитрий алексеевич. и дальше говорил, говорил, говорил. про музыку говорил, которая, кстати, и теперь играла, правда, тише, – видимо, дело было ко сну, и как же страшно было понять, что он к этой музыке всего за день почти привык. и про собрание дурацкое говорил, про потного Петра Ивановича говорил, про песню для радио, донос и приказ.

– да, музыка, – отвечала жена, – но разве это важно? я говорю *про нас*.

дмитрий алексеевич решил, что у него температура. тело ломало так, будто он робот, отправленный на запчасти. вот кто-то схватил его за голень и тянет, что хрустит колено. другой держит нос и выкручивает нос по часовой. третий взял за волосы и повис. дмитрий алексеевич водил пальцами

по лицу и чувствовал, как кожа натянулась – скоро треснет, как стеклянный экран. а потом сказал:

– но нам же жить под эту музыку.

– вот и живи!

дмитрий алексеевич слышал, как жена уложила детей спать, потом долго лила воду в ванной и легла сама. дмитрий алексеевич понимал, что своих детей он видит реже, чем школьных, но такое у всех учителей. он подумал, а как его дети провели этот день: трехлетний сын – влад – наверняка все проплакал, он громких звуков не любил. пятилетняя дочь – маша – приставала ко взрослым с вопросами. интересно, кто-нибудь хоть что-нибудь ей объяснил? дмитрий алексеевич думал о том, что его дети теперь будут просыпаться и засыпать под эту музыку каждый день. а может быть, в детском саду они тоже сочинят песню для радио.

что, если его дети так и не смогут никогда полюбить эту музыку? что, если смогут?

чтобы отвлечься, дмитрий алексеевич взял телефон и открыл интернет – сурские новости. во всех группах, каналах и чатах повесили приказ. писали, как всего за день работы под музыку повысилась продуктивность на сурской птицефабрике. как какой-то парень, наслушавшись музыки, снял старую кошку с крыши. а то, что эта кошка, похоже, из-за музыки туда и забралась, не писали. а еще было видео с учителем, который под музыку делал реверансы и поклоны – как заводной мышонка в протертом сером пиджаке. дмитрий алексеевич приблизил экран двумя пальцами, дмитрий алексеевич надел очки. это о, что ли, этот учитель? смешно корячится и вроде всему рад. подпись: «учителя сура за сурское радио».

дмитрий алексеевич почувствовал, что чуть ниже затылка что-то горячее растеклось по спине. когда горячее дошло до горла, дмитрию алексеевичу стало трудно дышать. все было обычным и необычным – дмитрий алексеевич не мог объяснить. как будто смотришь на мир через прозрачный пакет, в котором до этого была пойманная в реке рыба. все мутное, в глазах песок, и пальцы от воды холодные. дмитрий алексеевич сразу стал очень маленьким – если бы жена позвала его из спальни, ее голос звучал бы далеко-далеко, и вместе с тем очень большим – ворот футболки сдавливал горло так, будто он вырос из нее давно, резинка штанов врезалась в живот, который еще надулся отчего-то, хотя котлету дмитрий алексеевич не доел. и сердце стучало без продыху: раз-два, раз-два. дмитрий алексеевич прикинул, каковы шансы умереть от инсульта в тридцать пять. гугл гово-

